

ГРИГОРИЙ БЕЛОРЕЦКИЙ

Григорий Прокопьевич Белорецкий (Ларионов) родился в 1879 году и вырос на Белорецком металлургическом заводе в семье приказчика. «На заводе», потому что тогда еще не было Белорецка как города и во всех официальных документах и на географических картах упоминался и обозначался только Белорецкий завод. Маленький, утопавший в грязи и покрытый копотью заводской поселок едва насчитывал полторы-две тысячи жителей.

Первые впечатления о жизни Г. Ларионов получил в Белорецке, — здесь, где были еще живы предания и легенды о героических битвах Емельяна Пугачева; где зверская эксплуатация — полукрепостной труд — калечила людей — русских и башкир. Закончив приходскую школу на год раньше своих товарищей с похвальным листом, Г. Ларионов поступает в уфимскую гимназию которую успешно заканчивает, получив золотую медаль. Последняя дала ему возможность поступить в Военно-медицинскую академию в Петербурге. Будучи студентом-медиком, еще на первом курсе, он осуществляет свою давнишнюю мечту: завязывает тесные связи с журналом «Русское богатство» и непосредственно с В. Г. Короленко. К этому времени относятся новые очерки и рассказы, посвященные родному Уралу, Башкирии, жизни и быту рабочего класса. Собственно, Г. Ларионов ничего не «сочинял», он старался описать жизнь такой, какая она есть.

Весной 1902 года Г. Ларионов едет в родные места на Урал. Молодой, полный творческих замыслов, он объезжает деревни и заводские поселки Урала, всюду наблюдая одну и ту же тягостную его сердцу картину унижения и бесправия людей. Свой первый очерк «Сказитель-гус-

торые из них, обессиленные в борьбе, иногда отвечали: «Нет нельзя, от судьбы не уйдешь!»

«Сколько раз в течение минувшего лета я слышал эту фразу! «Но допустить возможность этой фразы еще не значит помириться с нею», — заключал я цепь мыслей, хотя в глубине души и чувствовал, что такое же убеждение начинает давить меня самого, и тем сильнее, чем дольше я нахожусь в темном царстве. «Мы победим судьбу, мы общими усилиями просветим темное царство, мы не падем духом», старался я подбодрить себя, а в глубине души вставали грозные признаки темных перепоп для борьбы с мрачным наследием веков, и борьба казалась далеко превосходящей наши силы».

Темное царство — это была каторжная николаевская Россия, заклейменная в бессмертной публицистике великих критиков революционеров — просветителей Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского. Они волновали передовых людей своего времени, они были хорошо знакомы и Г. Белорецкому. Со всем пылом юной души он клянется общими усилиями просветить темное царство, не пасть духом в трудной борьбе, победить судьбу, то-есть переделать жизнь к лучшему.

«В это время, как бы в ответ на мои думы, за перегородкой, отделяющей «упроезжую» от помещичьих хозяев, раздался звенящий «тоскливый» звук. Как будто кто-то взял аккорд на струнном инструменте. Я прислушался. Прозвучал новый аккорд сильнее и увереннее. Звуки напоминали звуки цитры, но были гораздо мягче, певуче и как-то роднее. Они просились в сердце и казалось, что кто-то в груди отвечает на вибрации струн. Еще аккорд, сильный и смелый, затем пауза, и вдруг появилась тоскливая певучая мелодия. Я не знал ее, но и она мне казалась такою же родною, как и отдельные звуки. Мною овладело странное чувство: мысль точно застыла, перешла в тихую грусть без образов, без

дум. А мелодия лилась и лилась... Где я ее слышал? Почему она так близка мне, так волнует меня?...»

Это проходной гуслиар-сказитель играл на гуслях.

В лице бродячего гуслияра-сказителя воскресал перед Г. Белорецким давным-давно вымерший тип русско-го народного певца, выразителя чувств, надежд и верований народа. Понятно, почему гуслиар со своими древними сказаниями и былинами взволновал Г. Белорецкого. Жадными устами припадал он к неиссякаемому роднику народного творчества. Многочисленные скитания по Руси и в особенности по Южному Уралу заполняют записную книжку писателя богатейшими наблюдениями и материалами.

В своем очерке «Заводская поэзия» Г. Белорецкий глубоко и внимательно рассматривает все стороны заводского быта и объясняет возникновение заводской поэзии из условий капиталистического труда и каторжного быта рабочих. Все, о чем писал Белорецкий,—это он слышал и видел сам... Белорецкий собрал пятьсот песенок, по которым «можно составить очень верное и — главное — полное представление о некоторых сторонах жизни заводского крестьянина и заводской жизни».

Пятьсот частушек были собраны и записаны Г. Белорецким на трех заводах Башкирии: на Белорецком металлургическом, на гвоздильном заводе в Каге и на листопркатном — в Тирляне.

Г. Белорецкий правильно почувствовал и понял направление заводской поэзии.

«...В фабричных песнях уральских заводов нет бодрых настроений, — замечает Г. Белорецкий, — в них сквозит тяжелое сознание бессилия изменить существующий невыносимый порядок вещей, в них нет ни малейшей надежды на освобождение от рабской зависимости от завода и воли управителя, в них звучат только жалобы и отчаяние. Эти песенки могли бы служить хорошей иллю-

страцией к мысли, не помню уж кем высказанной, что положение рабочих на уральских заводах мало чем отличается от крепостной зависимости».

Отмечает Г. Белорецкий и сатирические песенки, в которых звучит классовая ненависть к эксплуататорам — хозяевам. Он приводит, как пример, несколько песенок: одну, сочиненную по поводу назначения на Белорецкий завод нового управляющего, который всегда держал голову боком, и другую «по поводу падения с лошади тучной супруги заводского инженера»:

Белорецкий завод славный
На реке Белой стоит.
Управитель у нас главный
Одним глазом вверх глядит,
Затряслась земля сырая,
В гору реки потекли:
Стопудовую мадаму
Черти с лошади снесли.

«В злободневных песенках, — я не нашел ни одной, которая повествовала бы о каком-нибудь радостном для рабочих событии. Должно быть, таких событий совсем нет в их жизни...»

«Вообще записи Г. Белорецкого, несомненно, являются наиболее ценными среди остальных записей по рабочему фольклору, — пишет А. Дымшиц, — попавших в легальную печать девяностых и начала девятисотых годов. Частушки, записанные Белорецким, созданы в среде десятилетиями ожившихся промышленных рабочих и ярко выражают их отношение к обуржуазившей действительности. Лирические мотивы, столь обильно рассыпанные в деревенских частушках, сведены до минимума и оборачиваются мотивами ненависти и протеста, облеченными в форму злой иронии. Приводимые же Белорецким наиболее политически невинные частушки, сочиненные на злободневные события, свидетельствуют о том, что осознание этого коренного классового антагонизма отремится вылиться в этих частушках в форму революционного протеста».

«А. Дымшиц. «Литература и фольклор», стр. 115—118, Гослитиздат, 1938 г.»

Повесть Г. Белорецкого «В сумасшедшем доме» вскрывает мрачную картину страшной российской действительности. Молодой студент, приехавший на практику в глухую деревню, полон сил и веры в избранный им путь. Деятельность врача кажется ему благородным подвигом, которому стоит посвятить всю жизнь без остатка. «...Я чувствовал, что дело уже выбрано».

«Мы — земский доктор и я — студент, исполняющий обязанности его помощника, — сидели на выходящем в тень крыльце своей больнички, расположенной у околицы маленькой степной деревеньки, и думали. Я был молод, и потому мне хотелось любви и счастья, и я думал, что моя молодость проходит очень грустно и скучно и что ее, мою молодость, может согреть и оживить только одна женская любовь. А доктор? Он тоже был не стар, и тоже, вероятно, думал о близкой женщине, о любви».

Мы сидели и молчали. Ночь надвигалась беспшумно и незаметно. Только темнее становилась степь да ярче разгорались звезды».

В эту спокойную летнюю ночь, наполненную мягким шумом степи, редкими голосами перепелок и коростелей, хорошо мечталось о жизни и любви. И вдруг в этот покой, как буря, врывается бегущий нагой человек. Это был сумасшедший. После двухлетнего заключения в хлеву он перегрызает веревку, на которой был привязан, подкапывает руками подворотню и убегает.

«Мы обернулись к деревне и напряженно всматривались в темную кучу крестьянских изб. Послышался топот босых ног по гладкой дороге, — из улицы показалась какая-то белая фигура. Она быстро приближалась к нам, и когда она была уже совсем близко, мы увидели, что это

(Окончание см. на 3 стр.)